Несколько таблеток валялось в ящике стола, кроме них, больше ничего не было.

Хэ Линьнань уставился на белые таблетки в прозрачной пластиковой коробочке, долго не протягивая руку, чтобы достать их.

Сегодня вечером не хотелось пить лекарства, он знал, что начнутся галлюцинации.

Хотя было бы неплохо встретиться в галлюцинациях.

На самом деле, даже если начнутся галлюцинации, это вовсе не значит, что обязательно удастся увидеть Сяо Мальци: в большинстве видений царят жестокость и кровь, а если подсчитать вероятность по опыту, у Сяо Мальци есть лишь десятая доля шанса появиться.

Он поколебался и в конце концов с силой задвинул ящик, взметнув вверх тучу пыли — его аж передернуло от щекотки в носу, и он чихнул.

В этот момент зазвонил телефон.

Номер незнакомый, звонили из-за границы. Он уже догадался, кто звонит, и изначально должен был не брать трубку, но, видимо, из-за того, что его только что избили и тело всё еще ныло, сердце тоже смягчилось. Тяжело вздохнув, он провел пальцем по экрану, принимая вызов.

Хэ Линьнань не заговорил первым, а лишь поднес телефон к уху и стал молча слушать.

На том конце две секунды царила тишина, а затем неуверенным, полным тревоги голосом кто-то спросил:

— Братух, ты где?

Хэ Сяомань.

Когда эта девчонка звонила ему со своего номера, он в большинстве случаев трубку не брал, поэтому позже она стала постоянно звонить ему с чужих телефонов.

Хэ Линьнань не ответил на вопрос Хэ Сяомань:

— В этом месяце ходила на повторное обследование?

— Ходила, врач сказал, что мое сердце восстановилось просто отлично, и теперь достаточно проходить плановый осмотр раз в год.

В конце ее фразы и в дыхании послышалось недосказанность. Помолчав чуть-чуть, она наконец произнесла:

— Брат, возвращайся, не ищи больше этого человека, я умоляю тебя…

Во всем виноват его отец, старик Хэ, который подобрал такую девочку с больным сердцем. Виноваты и биологические родители Хэ Сяомань, которые никогда не объявлялись и имели совесть выбросить нормального ребенка прямо к мусорному баку.

— Я вешаю трубку, — сказал Хэ Линьнань.

— Брат! Если бы папа был жив, он бы не позволил тебе этого! Разве ты не можешь перестать искать его?!

Крик Хэ Сяомань заставил динамик, прижатый к его ладони, слегка завибрировать. Он прижал указательный палец к кнопке сброса вызова, и даже после завершения звонка палец остался лежать на экране — подушечка онемела, прежде чем он соизволил его убрать.

Как ни жаль, но старик Хэ уже мертв, и если он не найдет убийцу старика Хэ, покоя ему не видать.

Улеглась на пружинную матрасную кровать, притянул к груди застиранное шерстяное одеяло и закрыл глаза.

На рассвете Хэ Линьнань открыл глаза от жуткой боли в голове.

Во всем виноват Хэ Сяомань, которая сбила его с толку… а нет, во всем виноват старик Хэ. У старика оказался слишком бодрый дух — он всю ночь напролет лупил его кулаками прямо в его сне.

Приподнявшись, он поднял руку и потер виски. Немного придя в себя, он встал и переоделся.

Хэ Линьнань планировал отправиться на рыбный рынок попытать удачи: работа там грязная, вонючая, тяжелая, а платят мало, поэтому местные идти туда не хотят — набирают исключительно иностранных гастарбайтеров.

Удачи он не поймал, зато схлопотал от ворот поворот: во-первых, люди им были не нужны, а во-вторых, глядя на его побитую физиономию, они заподозрили в нем беглого преступника.

Испугавшись, что хозяин и впрямь вызовет полицию, он поспешно нашел предлог и скрылся.

Добравшись тайком до своего съёмного жилья под самые окна, он заметил уличного фонаря паренька с рыжими волосами. Тот даже не пытался скрываться — его круглые глаза так и шныряли по сторонам, и лишь когда Хэ Линьнань ловил его с поличным, он на миг отводил взгляд.

Хэ Линьнань свернул на соседнюю улицу, купил стакан соевого молока, и, потягивая его через толстую соломинку, вернулся к дому — паренек все еще был там.

Судя по внешности, парень оказался иностранцем. Хэ Линьнань подошел к нему и заговорил по-английски:

— Я могу вам чем-то помочь?

Паренек похлопал глазами, уставился на Хэ Линьнань и ответил по-английски:

— Ты ведь работаешь в фотоателье в конце Утиной улицы?

Хэ Линьнань откинул голову назад, увеличивая дистанцию между собой и парнем:

— Недовольны фотографиями и хотите вернуть деньги? Идите в магазин к хозяину.

— Нет-нет, — парень замахал руками. — Я хочу предложить тебе работу!

Хэ Линьнань с ног до головы оглянул этого рыжего малого — лет двадцати с небольшим, грубая внешность, явно не добряк, а глядишь ты, еще и нехорошими делами занимается.

— Завезете меня за реку и продадите в трудовой лагерь? — Хэ Линьнань тоже отмахнулся. — Спасибо, не надо.

— Нет же! — рыжий вприпрыжку преградил ему путь. — Я из Бойцовского клуба, нам нужен оператор, жилье и еда за счет заведения. Будешь просто каждый день записывать спарринги, чтобы мы могли анализировать свои ошибки.

Звучало вполне надежно. Клубов и залов единоборств в Синти полно, и раньше доводилось слышать, как знакомые занимались подобной работой.

— Я покажу тебе контракт, — рыжий развернулся, стянул с плеч рюкзак и действительно вытащил оттуда документ.

Этот черный рюкзак показался смутно знакомым. Хэ Линьнань не стал зацикливаться: при шизофрении вечно так докучает — смотришь на корову, а вспоминаешь вчерашнее яйцо, хотя

между этими вещами нет особой связи. Наверняка его дежавю было вызвано сенсорным расстройством, а вовсе не тем, что он и впрямь видел эту вещь раньше.

Хэ Линьнань оторвал взгляд от чужого рюкзака, взял протянутый контракт и пролистал его. Документ был составлен на английском, которым он владел не настолько хорошо, чтобы понимать множество попавшихся там профессиональных терминов.

— Клуб находится в центре города, — снова заговорил рыжий. — Я могу отвезти тебя туда прямо сейчас, сам посмотришь.

Подумав немного, Хэ Линьнань выбросил пустой стакан из-под соевого молока в урну.

Клуб выглядел вполне солидно: тренировочная площадка достаточно просторна, а снарядов выставлено даже больше, чем в подавляющем большинстве спортзалов — сразу видно, что хозяин не любитель.

Хэ Линьнань достал приложение-переводчик и по очереди отсканировал висевшие на стене лицензии и прочие документы, тщательно проверив даже печати на бумагах и убедившись, что все они подлинные. Затем он повернулся к рыжему парню:

— Как тебя зовут?

— Кэла, — ответил тот.

Хэ Линьнань догадался, что это прозвище, и поинтересовался:

— Почему выбрал именно меня?

— Знаю, что ты снял много документальных фильмов и особенно мастерски умеешь ловить кадры, — сказал Кэла.

— Да не так уж и много, — нахмурился Хэ Линьнань. — Всего два.

Кэла не стал продолжать с ним праздные разговоры и указал на контракт, который парень продолжал сжимать в руке:

— Расписывайся.

Контракт заключался всего на два месяца, много времени это у него не отнимет, да и как раз поможет выкрутиться из ситуации, продлив рабочую визу.

Хэ Линьнань подцепил со стойки администратора черную гелевую ручку и в строке для подписи в правом нижнем углу договора вывел свое имя.

На последней вертикальной черте кончик ручки соскользнул, вычертив неконтролируемую косую линию, но, к счастью, форму последней английской буквы это не испортило.

Странное предчувствие зародилось в груди. Раздались приближающиеся шаги, Хэ Линьнань внезапно поднял голову, и какая-то рука протянулась к нему:

— Это клуб моего друга. Учитель Хэ, здравствуйте, очень рад с вами познакомиться.

Взгляд Хэ Линьнаня замер на лице вошедшего на одну секунду, после чего он скосил глаза на черный рюкзак, прижимаемый Кэлой к груди.

Никакое это было не сенсорное расстройство, он и вправду видел этот рюкзак! Прошлой ночью, когда Краб отметелил его так, что родная мать не узнала, именно этот Кэла вытащил из этого самого рюкзака влажную салфетку и протянул ее Цинь Мяню — влажную салфетку с запахом спирта и мятным холоком.

Учитель Хэ, здравствуйте, очень рад с вами познакомиться.

Эту фразу он слышал от Цинь Мяня не впервые: шестнадцатилетний Цинь Мянь говорил ее точно так же.

Сжимая контракт в пальцах, Хэ Линьнань был не в силах пошевелиться. Цинь Мянь забрал у него исписанные бумажки и небрежно положил их на столик неподалеку, а затем перехватил его руку и крепко пожал ее.

Хэ Линьнань отвечать на рукопожатие не стал, но Цинь Мянь выглядевший при этом весьма воодушевленным, походил на пса, который во что бы то ни стало норовит ухватить чужую лапу и потрясти ее.

Потряс — и сам остался доволен.

Доволен черта с два.

Хэ Линьнань шумно втянул воздух и, повернувшись к Кэле, бросил:

— Извините, эту работу я выполнять не буду.

Он развернулся и услышал, как за спиной раздался голос Цинь Мяня:

— За отказ от выполнения условий контракта предусмотрен штраф в трехкратном размере.

Хэ Линьнань остановился, развернулся обратно, огляделся по сторонам, оторвал от первой страницы контракта кривой маленький кусочек, перевернул его чистой стороной без единой буквой и протянул Цинь Мяню.

Цинь Мянь опустил взгляд на зажатый между его пальцами пустой клочок бумаги, затем перевел глаза выше и встретился с ним взглядом:

— Что это значит?

Хэ Линьнань слегка покачал бумажкой:

— Напиши мне номер своей карты. Разве не за этим с меня требуют штраф?

Ни в коем случае не спрашивайте Мянь-гэ, откуда у него этот кот!

Хэ Линьнань вытянул руку с зажатым в пальцах клочком бумаги, но Цинь Мянь не заставил его долго держать руку в таком положении — протянул ладони и забрал листок.

Его суставы пальцев случайно задели пальцы Хэ Линьнаня, и жар чужой кожи через какую-то невидимую брешь проник в саму плоть, высекши искры прямо у него в сердце.

Хэ Линьнань невольно вздрогнул. В этот момент Цинь Мянь, склонив голову, пытался пристроить обрывок обратно к договору и полушутливо, с улыбкой произнес:

— Знал бы я, прописал бы десятикратный штраф.

Хэ Линьнань пожал плечами, оставив реплику без ответа. Во сколько раз — ему было все равно. Денег у него не водилось, но к долгам он привык: будь то рассрочка или набежавшие проценты, подобного он не боялся. Подождав немного и не дождавшись, пока Цинь Мянь напишет номер карты, он убрал руку:

— Сам же отказался, назад уже не отыграешь.

Позади послышался звук выдвигаемого ящика, торопливые шаги догнали его. Цинь Мянь преградил ему дорогу, держа в руках корочку еще не вскрытой мази от синяков и ушибов:

— Возьми, помажь. Эта гипоаллергенная.

Цинь Мянь до сих пор помнил, что у него аллергия на большинство мазей.

Стоило только немного ослабить бдительность, как в голове Хэ Линьнаня всплыли бесчисленные картины, одна за другой наклеиваясь перед глазами наподобие вирусов. Он зажмурился, принудительно перезагружая систему, и в голове остался лишь абсолютно черный экран — и на этом экране отражалось улыбающееся лицо шестнадцатилетнего Цинь Мяня, державшего в руках букет цветов.

Открыв глаза, он принял тюбик с мазью, стараясь при этом намеренно не задеть пальцы Цинь Мяня.

— Это билет на матч в следующем месяце, — Цинь Мянь извлек из кармана брюк сложенный билет на ТАС. — Прости, мест поближе не нашлось.

Хэ Линьнань бегло глянул на информацию в билете: места VIP-уровня. Чтобы сидеть еще ближе, пришлось бы делить ложу с президентами, высокопоставленными чиновниками и торговцами нефтью с Ближнего Востока.

Цинь Мянь сначала выдвигал крошечное требование, затем чуть более весомое — шаг за шагом прощупывая и отодвигая его границы дозволенного.

Хэ Линьнань растянул губы в усмешке, резко развернулся и окликнул Кэлу, который неотрывно наблюдал за ними:

— Лови!

С этими словами он швырнул тюбик, и мазь ожидаемо легко и надежно оказалась в руках Кэлы.

Чувствуя себя легко и непринужденно, Хэ Линьнань зашагал к лестнице.

Цинь Мянь вел себя так, будто совершил по отношению к нему нечто непростительное, и теперь отчаянно пытался загладить вину. На самом же деле все обстояло с точностью до наоборот: это он был перед Цинь Мянем в долгу, причем в таком, который невозможно вернуть никогда.

На втором этаже клуба кондиционер издавал ровный, размеренный гул — если не прислушиваться специально, заметить этот звук было почти невозможно.

http://bllate.org/book/34412/4242625